

УДК 343.237

Шеслер А. В., Шеслер С. С.
Shesler A. V., Shesler S. S.

СОВМЕСТИМОСТЬ СОВЕРШАЕМОГО ПРЕСТУПЛЕНИЯ КАК ПРИЗНАК СОУЧАСТИЯ

CONSISTENCY IN CRIME AS A SIGN OF COMPLICITY

В статье рассматривается содержание совместности совершаемого преступления как признака совершаемого преступления в соучастии. Указывается, что совместность совершаемого двумя и более лицами одного и того же преступления имеет объективную и субъективную стороны. Обосновывается, что совместность преступления соучастников с объективной стороны означает общими усилиями соучастников и включает в себя общность деяния соучастников, единый для всех соучастников преступный результат и причинную связь между ними. Совместностью умысла соучастников характеризует совместности соучастия с субъективной стороны.

The article describes elements of consistency in the crime as a characteristic of crimes committed in complicity. It is pointed out that the consistency of one and the same crime committed by two or more persons has objective and subjective aspects. It is substantiated that the consistency in the crime from the objective aspect means common efforts of the accomplices. This includes the commonality act of the accomplices, the single criminal result for all accomplices and the causal link between them. The consistency intent of the accomplices characterizes the consistency of the complicity within the subjective aspect.

Ключевые слова: соучастие в преступлении, совместность преступления, общность деяния соучастников, причинение единого преступного результата, совместность умысла соучастников.

Keywords: complicity in a crime, consistency in a crime, commonality act of accomplices, causing a single criminal result, consistency intent of accomplices.

Анализ ст. 32 УК РФ позволяет выделить такие признаки соучастия, как множественность субъектов преступления и совместность совершаемого ими преступления. Они отличают соучастие от других случаев множественности участников преступления и стечения нескольких лиц в одном преступлении [6, с. 7–8, 14–22, 59–89].

Множественность субъектов преступления означает фактическую включенность в совершение одного и того же преступления двух и более участников, а также наличие у каждого из соучастников признаков субъекта преступления (возраста уголовной ответственности и вменяемости).

Совместность совершаемого двумя и более лицами одного и того же преступления имеет объективную и субъективную стороны. Совместность преступления с объективной стороны означает причинение единого преступного результата общими усилиями соучастников и включает в себя общность деяния соучастников, единый для всех соучастников преступный результат и причинную связь между ними.

В литературе высказано мнение, что не следует смешивать признак совместности действий с признаками причинности (причинной связью и результатом) [13, с. 32; 30, с. 134]. Представляется, что это не так. В данном случае характеризуется не столько само деяние, сколько его совместность, которая проявляет себя в процессе развития всей объективной стороны преступления. Если на каком-то этапе ее развития теряется свойство совместности,

деяние перестает быть совершенным в соучастии, например, при качественном эксцессе исполнителя, когда наряду с совместным преступлением совершается другое. Так, Воробьев, не согласовав свои действия с Савиным, во время совместного разбойного нападения с целью убийства Г. нанес ей 11 ножевых ударов в различные части тела. Суд вменил покушение на убийство Г. только Воробьеву, посчитав его действия эксцессом исполнителя [9].

Общность деяния соучастников преступления означает взаимную обусловленность действий (бездействий) каждого из них. Эта общность достигается через разделение функций и соединение усилий соучастников в процессе совершения преступления. Разделение функций может осуществляться либо в виде простого распределения аналогичных усилий соучастников, либо в виде различных по характеру действий, обуславливающих действия других соучастников. Первая ситуация характерна для группового посягательства, когда каждый из соучастников полностью выполняет деяние, входящее в объективную сторону конкретного состава преступления. Действия соучастников получают одинаковую уголовно-правовую оценку. Вторая ситуация характерна для соучастия с юридическим разделением ролей, когда действия соучастников преступления получают различную уголовно-правовую оценку в соответствии со ст. 33 УК РФ. При групповом посягательстве также возможно совершение фактически различных действий. Однако они получают одинаковую уголовно-правовую оценку, так как само преступное деяние может слагаться из нескольких действий. В частности, в п. 10 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 4 декабря 2014 г. № 16 «О судебной практике по делам о преступлениях против половой неприкосновенности и половой свободы личности» отмечается, что изнасилованием и насильственными действиями сексуального характера, совершенными группой лиц, должны признаваться не только действия лиц, непосредственно совершивших насильственное половое сношение или насильственные действия сексуального характера, но и действия лиц, содействовавших им путем применения физического или психического насилия к потерпевшему лицу или к другим лицам [24].

Соединение усилий может происходить одновременно с совершением действий всех соучастников, что характерно для группового преступления, может происходить последовательно, когда один соучастник использует результаты уже совершенных действий другого соучастника. Последнее характерно для соучастия с юридическим разделением ролей. Однако такое соединение усилий возможно и при групповом преступлении. Например, участники преступной группы, занимающейся незаконным оборотом наркотиков, последовательно совершают указанные в ст. 228-1 УК РФ действия в отношении одного и того же предмета преступления [18, с. 242–252].

Единство преступного результата при соучастии вытекает из взаимной обусловленности деяний соучастников, направленных к достижению единой цели. Причем общее деяние соучастников должно содержать в себе реальную возможность наступления преступного результата на всем протяжении выполнения объективной стороны преступления. Это не исключает необходимость установления вклада каждого из соучастников в совместную преступную деятельность, что лежит в основе дифференциации и индивидуализации их ответственности.

Следует поддержать позицию тех исследователей, которые утверждают, что признаком состава преступления должна быть необходимая причинная связь [35, с. 97]. Однако при этом не следует отождествлять необходимость (закономерность) наступления преступных последствий с неизбежностью их наступления. Такая позиция неправильно ориентировала бы следственную и судебную практику на обоснование уголовной ответственности только за те деяния, которые, безусловно, влекут вред, например, смерть потерпевшего при убийстве [34, с. 262–267]. Необходимость наступления преступных последствий следует понимать как неизбежность или реальную возможность их наступления [11, с. 105–107; 16, с. 207–208].

Судебная практика исходит из вменения преступного результата как единого всем соучастникам преступления. Так, в п. 25 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 27

декабря 2002 г. № 29 «О судебной практике по делам о краже, грабеже и разбое» отмечается, что при вменении значительного ущерба гражданину и в крупном размере следует исходить из общей стоимости похищенного всеми участниками преступной группы [22, с. 6]. Аналогичное разъяснение содержится в п. 32 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 30 ноября 2017 г. № 48 «О судебной практике по делам о мошенничестве, присвоении и растрате» [23]. В п. 17 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 9 июля 2013 г. № 24 «О судебной практике по делам о взяточничестве и об иных коррупционных преступлениях» также акцентируется внимание на вменении соучастникам получения взятки или коммерческого подкупа общего результата их действий [21, с. 5].

Единство преступного результата при соучастии определяет особенности причинной связи, которая существует между общим деянием соучастников и единым для них преступным результатом. Однако многие авторы полагают, что причинная связь должна быть между действиями каждого из соучастников и общим преступным результатом [5, с. 9–11; 10, с. 6–7; 30, с. 134, 137]. Такая позиция обосновывается необходимостью установления роли каждого соучастника при совершении ими одного преступления, которая является различной с точки зрения содействия преступному результату [34, с. 262–267]. Вместе с тем этот вклад необходимо рассматривать как составную часть общей причины – совместного деяния. Абсурдность критикуемой позиции состоит в том, что преступление совершается одно, а причинных связей выявляется несколько.

Безусловно, действия каждого из соучастников не могут содержать в себе реальную возможность причинения вреда, которая требуется для причинной связи. Такое возможно только в случае группового посягательства, когда действия каждого из соисполнителей являются тождественными или однородными. При соучастии с юридическим разделением ролей лишь действия исполнителя содержат реальную возможность наступления преступного результата. Исходя из этого, в литературе было высказано мнение о наличии при соучастии двух видов связи между деяниями соучастников и преступным результатом, а именно: причинной связи и обуславливающей связи [15, с. 396; 25, с. 125; 32, с. 89–90]. Теоретические истоки обуславливающей причинной связи вытекают из позиции дореволюционных юристов о том, что при совместной деятельности нескольких лиц не следует видеть одно преступление [33, с. 17, 21].

Различие между двумя видами связи поясняет Н. Ф. Кузнецова: «При причинной связи действие (бездействие) само порождает, продуцирует, воспроизводит последствия. При обуславливании одно явление лишь создает возможность, которая реализуется посредством появления последствий» [17, с. 241–242]. На наш взгляд, при таком подходе может быть расширен круг лиц, которые будут нести уголовную ответственность как соучастники преступления. Прецедент подобного рода содержался в п. 8 ранее действовавшего Постановления Пленума Верховного Суда РФ № 14 от 5 ноября 1998 г. «О практике применения судами законодательства об ответственности за экологические правонарушения», где давалось расширенное понятие укрывательства как пособничества в случаях систематического приобретения предметов, добытых преступным путем, от одного и того же лица [20, с. 3]. Представляется, что квалификация такого приобретения как пособничества возможна только в тех случаях, когда между укрывателем и исполнителем преступления есть предварительная договоренность о приобретении предметов, которые будут добыты в результате совершения нескольких преступлений. Такая ситуация имела место при систематическом содействии Соболевым и Григорьевым в сбыте радиодеталей, похищаемых Лабутиным, Исаковым и др. лицами с завода [26, с. 149–151].

Противоречивую позицию по этому вопросу занимает В. П. Алехин. Применительно к соисполнительству он отмечает, что действия каждого из виновных в совокупности составляют причину преступного результата и выступают составной частью общей причины, вызывающей преступные последствия, при этом вклад отдельного соучастника в рамках общей

причины может быть различным. Для соучастия с юридическим разделением ролей автор считает необходимым оказание каждым соучастником воздействия на сознание исполнителя (соисполнителей), что является частью общей причины совершения им преступления. В результате действия любого соучастника должны быть необходимым условием наступления преступного результата [2, с. 9–10]. Представляется, в решении данного вопроса следует исходить прежде всего из того, что при соучастии совершается одно преступление, которое является причиной преступного результата. Поэтому причинная связь должна устанавливаться только между общим деянием соучастников и единым для них преступным результатом [12, с. 49–50]. Данная причина является совокупностью многих обстоятельств, в различной степени содействующих наступлению преступных последствий [12, с. 49].

Такая позиция выражена в новой постановке вопроса в философии о причинной детерминации, в соответствии с которой следствие определяется совокупностью всех необходимых условий. Эта совокупность является полной причиной, которая состоит из специфической причины, именуемой ранее причиной, и кондициональной причины, именуемой ранее условием. Специфическая причина направлена на следствие, кондициональная причина – на специфическую причину, на приведение ее в активное состояние, превращение возможности явления в действительность [1, с. 417–419]. Адаптируя эти положения к проблеме соучастия в преступлении, можно сделать следующие выводы. Полной причиной преступного результата при соучастии как следствия является совместная деятельность соучастников, состоящая из совокупности необходимых условий, представленных деяниями каждого из соучастников, образующих в своем единстве реальную возможность наступления преступного результата. Специфической причиной преступного результата является деяние исполнителя преступления, которое в конечном счете порождает этот результат как следствие, создает реальную возможность такого следствия и в этом смысле является главным в механизме причинения вреда. Действия иных соучастников преступления являются кондициональной причиной, которая способствует действию специфической причины – деянию исполнителя.

Теоретические основы поддерживаемой нами позиции содержатся уже в работах дореволюционных юристов. В частности, Н. С. Таганцев исходил из совместной виновности нескольких лиц, их единении в преступной деятельности [27, с. 326–327]. При этом он не отрицал необходимости учета вины каждого соучастника [27, с. 363].

Изложенные обстоятельства свидетельствуют, что причинную связь следует понимать как явление социальное, а не физическое, которое не существует как признак состава преступления без его осознания лицом, совершающим преступление. Несмотря на то, что большинство исследователей подчеркивают объективный характер причинной связи, они нередко увязывают ее установление с волевым и осознанным характером преступного поведения. Так, Т. В. Церетели указывает, что предельно мыслимой границей общественной опасности деяния является реальная возможность лица оказать воздействие на фактический ход событий [34, с. 139]. М. И. Ковалев отмечает, что причиной выступает не только телодвижение или система телодвижений субъекта, но и сознательное использование им обстоятельств, которые в совокупности с телодвижениями образуют общественно опасное действие [11, с. 98]. Сходные суждения высказывают и другие исследователи [19, с. 119]. Однако дальше всех в разработке этого вопроса пошел А. А. Тер-Акопов, который указывал, что для соучастия свойственна информационно-психологическая причинность, при которой поведение одного служит причиной поведения другого даже при отсутствии между ними физического взаимодействия. [30, с. 279–284, 308, 313].

Совместность умысла соучастников характеризуется особенностями интеллектуального и волевого моментов. Особенности интеллектуального момента состоят в осознании каждым из соучастников взаимной обусловленности деяний друг друга и в предвидении единого результата совместного деяния и осознании причинной связи между общностью деяния и единым результатом. Осознание каждым из соучастников этих обстоятельств предполагает

наличие между ними двусторонней субъективной связи, которая может выражаться как в детальном знании о деяниях друг друга, так и в знании соучастниками только о намерении двух или более лиц совершить определенное преступление совместно и в знании о характере совершаемых преступных действий. Особенности волевого момента состоят в совместности волевых усилий соучастников [4, с. 108–109], которые воплощаются в наличии у них общей групповой цели, реализуемой в преступлении. Отсутствие совместного умысла означает отсутствие соучастия в преступлении. Так, приговором Липецкого областного суда Гаврилов был осужден за соучастие в убийстве Терехова, совершенное Носовым, который задушил потерпевшего. Суд усмотрел соучастие Гаврилова в том, что он ударил потерпевшего по шее без намерения убить его, а также в том, что Гаврилов и Носов надели на убитого мешок и бросили его в реку [26, с. 132–134]. Отметим, что совместность умысла не исключает того, что мотивы и конкретные цели участия в преступлении каждого из участников могут быть различными [28, с. 122–132].

Некоторые исследователи признают наличие соучастия при наличии односторонней субъективной связи, при которой лицо, совершившее преступление, не знало о сознательно оказанном ему в этом содействии [3, с. 105–109]. Такая степень осведомленности соучастников о действиях друг друга получила в литературе еще другое наименование – минимальная субъективная связь [31, с. 77]. На наш взгляд, в этих случаях исполнитель преступления в определенном смысле является орудием преступного посягательства в руках других лиц. Проблема в данном случае состоит в обосновании уголовной ответственности лиц, содействовавших совершению преступления. П. Ф. Тельнов, критикуя позицию Ф. Г. Бурчака, отстаивающего соучастие с минимальной субъективной связью, предлагает рассматривать оказанное исполнителю содействие как приготовление к преступлению [29, с. 52]. Такой подход вызывает возражения в силу недопустимой аналогии уголовного закона, а также в силу того, что созданные для совершения преступления условия уже реализовались.

Нет психической общности и в неосторожных преступлениях, при совершении которых лицо не в состоянии предвидеть, а тем более предотвратить последствия неосторожного преступного поведения других лиц [12, с. 60–63]. По этой причине вряд ли следует поддерживать иные суждения, в соответствии с которыми соучастие возможно в преступлениях, совершенных по неосторожности [7, с. 84–93; 14, с. 14–15]. Решение существующей проблемы видится в том, чтобы закрепить в уголовном законе неосторожное причинение вреда несколькими лицами, которое определило бы основания и пределы уголовной ответственности каждого из этих лиц [8, с. 36].

В связи с рассматриваемой проблемой отметим, что в судебной практике встречаются ошибочные решения. Так, Караулов и Ширшов были осуждены Тисульским за неосторожное убийство Копылова, произведя одновременно, с одинакового расстояния, из одинаковых ружей и одинаковыми пулями выстрелы по кустам, полагая, что там шумит медведь. В кустах оказался Копылов, которому одна из пуль причинила смертельное ранение. В процессе следствия и судебного разбирательства не установлено, кто причинил смертельное ранение Копылову. Президиум Кемеровского областного суда оставил протест без удовлетворения, сославшись на то, что действия осужденных были объединены общностью умысла, направлены на осуществление единой цели, их неосторожная вина по отношению к общественно опасным последствиям совместных умышленных действий (вина не является единой по отношению к действиям и его последствиям?) является виной соисполнителей. Пленум Верховного Суда СССР отменил все судебные решения, указав, что действия Караулова и Ширшова не являются соучастием, так как смерть потерпевшему причинена по неосторожности [26, с. 128–130].

Итак, совместность преступления соучастников с объективной стороны означает причинение единого преступного результата общими усилиями соучастников и включает в себя общность деяния соучастников, единый для всех соучастников преступный результат и при-

чинную связь между ними. Совместность умысла соучастников характеризует совместность соучастия с субъективной стороной.

Публикация подготовлена в ходе проведения научного исследования за счет средств гранта на развитие научных школ с участием молодых ученых ФГБОУ ВО «Югорский государственный университет».

Литература

1. Алексеев П. В., Панин А. В. Философия. М. : Проспект, 1998. 566 с.
2. Алехин В. П. Соучастие в террористической деятельности. М. : Юрлитинформ, 2009. 204 с.
3. Бурчак Ф. Г. Соучастие: социальные, криминологические и правовые проблемы. Киев : Вища школа, 1986. 208 с.
4. Волков Б. С. Мотивы преступлений. Казань : Изд-во Казан. ун-та, 1982. 152 с.
5. Галиакбаров Р. Р. Борьба с групповыми преступлениями: вопросы квалификации. Краснодар : КГАУ, 2000. 200 с.
6. Галиакбаров Р. Р. Квалификация многосубъектных преступлений без признаков соучастия. Хабаровск : Хабаров. высш. шк. МВД СССР, 1987. 96 с.
7. Гринберг М. С. Технические преступления. Новосибирск : Изд-во Новосиб. ун-та, 1992. 144 с.
8. Дагель П. С. Причинная связь в преступлениях, совершаемых по неосторожности // Вопр. борьбы с преступностью. Вып. 34. М. : Юрид. лит., 1981. С. 28–38.
9. Действия лица, совершившего бандитизм и покушение на убийство при этом должны быть квалифицированы по ст. 77 и ст. ст. 15, 102 УК РСФСР // Бюл. Верховного Суда РФ. 1995. № 5. URL: <http://www.vsrf.ru/files/12133/> (дата обращения: 05.03.2018).
10. Зелинский А. Ф. Соучастие в преступлении. Волгоград : НИиРИО ВСШ МВД СССР, 1971. 43 с.
11. Ковалев М. И. Проблемы учения об объективной стороне состава преступления. Красноярск : Изд-во Краснояр. ун-та, 1991. 176 с.
12. Ковалев М. И. Соучастие в преступлении. Екатеринбург : Изд-во УрГЮА, 1999. 204 с.
13. Козлов А. П. Соучастие: традиции и реальность. СПб. : Юрид. центр Пресс, 2001. 362 с.
14. Козлов А. П. Соучастие: уголовно-правовые проблемы : дис. ... д-ра. юрид. наук. СПб., 2003. 502 с.
15. Комиссаров В. С. Соучастие в преступлении // Курс уголовного права. Общая часть. Т. 1. / под ред. Н. Ф. Кузнецовой, И. М. Тяжковой. М. : Зерцало, 2002. 624 с.
16. Кудрявцев В. Н. Объективная сторона преступления. М. : Госюриздат, 1960. 244 с.
17. Курс уголовного права. Общая часть. Т. 1. / под ред. Н. Ф. Кузнецовой, И. М. Тяжковой. М. : Зерцало, 2002. 624 с.
18. Курченко В. М. Противодействие незаконному обороту наркотических средств и психотропных веществ. СПб. : Юрид. центр Пресс, 2003. 427 с.
19. Малинин В. Б., Парфенов А. Ф. Объективная сторона преступления. СПб. : Изд-во Юрид. ин-та, 2004. 301 с.
20. О практике применения судами законодательства об ответственности за экологические правонарушения : постановление Пленума Верховного Суда РФ от 5 ноября 1998 г. № 14 [утратило силу] // Бюл. Верховного Суда РФ. 1999. № 1.
21. О судебной практике по делам о взяточничестве и об иных коррупционных преступлениях : Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 9 июля 2013 г. № 24 // Бюл. Верховного Суда РФ. 2013. № 9.

22. О судебной практике по делам о краже, грабеже и разбое : Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27 декабря 2002 г. № 29 // Бюл. Верховного Суда РФ. 2003. № 2.
23. О судебной практике по делам о мошенничестве, присвоении и растрате : Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 30 ноября 2017 г. № 48 // Рос. газ. 2017. № 280.
24. О судебной практике по делам о преступлениях против половой неприкосновенности и половой свободы личности : Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 4 декабря 2014 г. № 16 // Бюл. Верховного Суда РФ. 2015. № 2.
25. Питецкий В. В. Объективная сторона преступления // Уголовное право. Общая часть / отв. ред. А. Н. Тарбагаев. М. : Проспект, 2016. 448 с.
26. Судебная практика к Уголовному кодексу РФ / под ред. В. М. Лебедева. М. : Спарк, 2001. 1168 с.
27. Таганцев Н. С. Русское уголовное право : лекции. Часть общая. В 2 т. Т. 1. М. : Наука, 1994. 380 с.
28. Тарарухин С. А. Преступное поведение. М. : Юрид. лит., 1974. 224 с.
29. Тельнов П. Ф. Ответственность за соучастие в преступлении. М. : Юрид. лит., 1974. 208 с.
30. Тер-Акопов А. А. Преступление и проблемы нефизической причинности в уголовном праве. М. : Юркнига, 2003. 480 с.
31. Трайнин А. Н. Учение о соучастии. М. : Юрид. изд-во НКЮ СССР, 1941. 158 с.
32. Трухин А. М. Объективная сторона соучастия в преступлении // Уголов. право. 2008. № 8. С. 86–90.
33. Фойницкий И. Я. Уголовно-правовая доктрина о соучастии // Юрид. вестн. М., 1891. Т. 7. Кн. 1 (январь). 1891. С. 1–28.
34. Церетели Т. В. Причинная связь в уголовном праве. Тбилиси : Изд-во Тбилис. Ун-та, 1957. 274 с.
35. Чучаев А. И. Объективная сторона преступления // Рос. уголов. право. Общая часть. М. : Контракт : Инфра-М, 2012. 320 с.